

РЕЙЧЕЛ ХОКИНС

ЖЕНА НАВЕРХУ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

*Посвящается маме, которая, к счастью,
совсем не похожа на матерей,
описанных в этой книге*

Всегда есть две смерти: настоящая и та,
о которой людям известно.

Джин Рис, «Антуанетта»

A decorative rectangular border with intricate floral and leaf patterns, framing the title text.

ЧАСТЬ I

ДЖЕЙН

— 1 —

ФЕВРАЛЬ

Погода для прогулки сегодня выдалась самая дерьмовая из всех возможных.

Дождь льет все утро, из-за чего моя поездка из Сентер-Пойнта в Маунтин-Брук превращается в сущий кошмар. Когда я выхожу из машины на подъездной дорожке Ридов, мои джинсы тут же намокают снизу, в кроссовках начинает хлюпать, и я оставляю мокрые следы на мраморном полу в фойе.

Миссис Рид, удерживающая на поводке своего пса по кличке Медведь, делает чересчур сочувствующее лицо, чтобы показать, насколько неловко ей посылать меня под дождь этим понедельничным утром. Вот что важно — выказать свое сочувствие, но все равно ждать исполнения работы.

Выгуливая собак в районе Торнфилд-Эстейтс почти целый месяц, я определенно поняла одно: самое главное — создать *видимость*.

Миссис Рид только *с виду* сочувствует. Она *выглядит* так, словно ей абсолютно не нравится мысль, что я должна выгуливать ее колли, Медведя, в такой холодный и ненастный день в разгаре февраля. *Кажется*, ей на самом деле не наплевать на меня как на личность.

На самом деле, конечно, ей плевать, и это нормально. Правда. Не то чтобы мне на нее не наплевать — тут все взаимно. Поэтому я улыбаюсь, одергивая низ своего плаща цвета хаки.

— Готова ко всему, — говорю я ей, принимая поводок Медведя.

Мы стоим в парадном вестибюле дома Ридов; слева подпирает стену огромное, обрамленное в раму зеркало, в котором отражаемся мы с миссис Рид и Медведь, который уже рвется к двери; там же — выдавший виды деревянный стол, на котором красуется чаша с сухой ароматической смесью, а также пара бриллиантовых сережек-колец, небрежно брошенных сюда миссис Рид прошлым вечером, когда она вернулась после посещения какого-то благотворительного мероприятия. Я обратила внимание, что благотворительные мероприятия среди жителей этого района очень популярны, хотя мне так и не удалось понять, для чего они на самом деле собирают деньги. Приглашения, которые я замечала лежащими на журнальных столиках или прикрепленными к дверцам холодильников магнитами, содержали в себе винегрет из призывов к добродетели. *Дети, избитые женщины, бездомные, обездоленные* — все это различные эвфемизмы для слова «бедные». Неизвестно, что миссис Рид поддерживала прошлым вечером, но это еще одна вещь, которая меня на самом деле не волнует.

И я не позволяю себе задержать взгляд на серьгах.

Ощущая гладкий поводок Медведя в своей ладони, я слабо машу миссис Рид на прощание и выхожу на широкое переднее крыльцо. Старые кроссовки тут же слегка разъезжаются на окрашенном цементе, скользком от влаги. Услышав, как за спиной закрылась дверь, я невольно погружаюсь в мысли о том, чем займется этим утром миссис Рид, пока я буду выгуливать ее собаку. Выпьет еще чашечку кофе? Закусит «Ксанаксом»?¹ Распланирует очередную благотворительную акцию?

Или, быть может, какой-нибудь торжественный завтрак по сбору средств для детей, не умеющих ходить на яхте.

Дождь немного стихает, но утренний холод никуда не уходит, и я жалею, что не захватила перчатки — руки выглядят ободранными и потрескавшимися, костяшки сильно покраснели. На коже между большим и указательным пальцами правой руки виднеется светло-розовый ожог — памятный подарок, полученный в последний день моей работы в кофейне «Жареное зерно» в Маунтин-Брук-Виллидж. Я напоминаю себе, что выгуливать собак — отстойное занятие, но, по крайней мере, оно не грозит получением ожогов второй степени.

Медведь натягивает поводок, желая обнюхать каждый почтовый ящик, мимо которого мы проходим; я позволяю ему тащить меня за собой, больше размышляя о домах и о районе, чем о своем подопечном. За каждым из этих элитных особняков находится покрытый густой травой двор, так что вряд ли вообще кому-то из жильцов может понадобиться выгул собак. Но слово «*нужда*» не подходит здешним людям. Здесь уместна лишь «*прихоть*».

¹ «Ксанакс» — наркотик, лекарство, призванное лечить депрессию, неврозы и т.д. (Здесь и далее прим. пер.)

Вот для чего все эти дома.

Миссис Рид живет вдвоем с мужем на Магнолия-Корт, в доме с восемью ванными комнатами и семью спальнями, с официальной гостиной и семейным кабинетом, с комнатой отдыха наверху и «кабинетом для джентльменов». Насколько я могу судить, каждый дом в Торнфилд-Эстейтс похож на этот. Мне удалось побывать уже в четырех таких, потому что, само собой, как только кто-то из соседей нанимает человека для выгула собак, всем остальным тут же нужно — *хочется* — того же. Для Ридов я выгуливаю Медведя, а теперь взяла на себя заботу и о далматинце по кличке Мэри-Бет — питомце семьи Макларенов с Примроуз-лейн. Есть еще живущие на Оуквуд Кларки со своими ши-тцу Майором и Полковником, а Трипп Ингрэм с Мейпл-уэй недавно нанял меня выгуливать лабрадора его покойной жены — Харпера.

В общем, это неплохая работенка, уж получше, чем в «Жареном зерне». Здесь люди по-настоящему смотрят мне в глаза, потому что хотят доказать себе, что не являются мудаками, раз напрямую обращаются к «помощнику» по имени. «Джейн — почти как член семьи», — вероятно, говорит миссис Рид другим дамам в загородном клубе, и все они издают жеманные звуки согласия и выпивают еще по одной «кровоавой Мэри».

Мои кроссовки поскрипывают, пока я иду по тротуару, погруженная в мысли о своей квартире, о том, что потолок, наверное, снова протекает в том самом месте на кухне, где темнеет пятно, чуть более грязно-серое на фоне остального грязно-серого цвета. Это дешевая квартира не в самой ужасной части города, но порой мне кажется, что я живу в маленькой бетонной коробке и от серого цвета никуда не деться, как ни украшай

комнату плакатами из «Таргета» или красивыми покрывалами, выбранными в благотворительных магазинах.

В Торнфилд-Эстейтс нет ничего грязно-серого. Трава здесь всегда зеленая, вне зависимости от времени года, и в каждом доме цветочные горшки, или наружные ящики для растений, или огромные цветущие кусты. Жалюзи ярко-желтые, темно-синие, бордовые, изумрудно-зеленые. Если где-нибудь и встречается серый цвет, то приглушенного тона и элегантный — *цвет голубинового крыла*, как однажды назвала его при мне миссис Рид. Даже в такой дождливый день, как сегодня, здесь постоянно кипит работа газонокосильщиков, чистильщиков ковров, по подъездным дорожкам туда-сюда снуют фургоны с персоналом для ведения домашнего хозяйства.

Медведь останавливается у бордюра, чтобы помочиться, и я свободной рукой откидываю капюшон с головы. От этого движения холодная дождевая вода стекает по моей шее; дождевик старый, шов с левой стороны порван, но я не могу заставить себя купить новый. Это расходы, без которых, кажется, можно обойтись, и иногда я задаюсь вопросом, заметил бы кто-нибудь из здешних жителей, пропади у них старый плащ. *Слишком большой риск*, напоминаю я себе, но все равно трачу целых две минуты на фантазии о том, как иду по этому району в чем-то элегантном и красивом, в чем-то, способном укрыть меня от холодных струй дождя. В чем-то вроде куртки от «Берберри», которую миссис Кларк повесила у двери на прошлой неделе.

Даже не думай об этом.

Вместо этого я вспоминаю о бриллиантовых сережках миссис Рид: если бы обе пропали, пожалуй, это выглядело бы подозрительно, но одна?.. Одна могла бы

запросто упасть со стола и быть втопанной в ковер в загородном клубе. Или завалиться где-нибудь в кармане.

Медведь останавливается, чтобы обнюхать очередной почтовый ящик, но я тащу его дальше, направляясь к своему любимому дому. Он находится в конце тупиковой улицы и расположен дальше от дороги, чем другие здания. Кажется, это один из немногих домов, вокруг которых не снуют люди; двор такой же зеленый, как и другие лужайки по соседству, но менее ухоженный, а красивые фиолетовые кусты, цветущие перед домом, разрослись слишком сильно, заслоняя собой окна на первом этаже. Это самый большой и высокий дом в округе: два просторных крыла тянутся по обе стороны от основного строения, два дуба стремятся ввысь на лужайке перед входом. Здание явно старше, чем другие дома по соседству, и, вероятно, оно первое, возведенное здесь. Однообразие фасадов в Торнфилд-Эстейтс приводит к тому, что в итоге все дома сливаются воедино. Мне это нравится — лучше уж одна сплошная красота, чем унылая монотонность моей части города, — но есть что-то такое в этом доме, одиноко стоящем в конце глухого тупика, что каждый раз притягивает к нему.

Я выхожу с тротуара на середину дороги, чтобы лучше все рассмотреть. В этой части района всегда так тихо, что мне даже не приходит в голову, что стоять посреди дороги не самое безопасное занятие.

Я слышу звук мотора раньше, чем замечаю машину, но даже тогда не двигаюсь с места. Позже я буду вспоминать этот момент и гадать, было ли это предчувствием, не получилось ли так, что все события в моей жизни вели меня к этому самому месту, к этому самому дому.

К нему.

Почти все автомобили в Торнфилд-Эстейтс одинаковы и являются какой-то моделью роскошного внедорожника. Это практически аналоги домов на колесах — невероятно дорогие и чрезмерно большие. В последнее время я редко обращаю на них внимание, просто машинально отмечаю, что по улицам регулярно проезжают танки цвета шампанского или ночного неба.

Но машина, вылетевшая по подъездной дорожке моего любимого дома, не внедорожник. Это спортивная машина старой модели, с рычащим мотором, цвета алого карамельного яблока, яркая, как кровоточащая рана на фоне пасмурного дня.

Медведь лает, пританцовывая на задних лапах, и я пытаюсь убраться с дороги, но пальцы запутываются в поводке, а бампер машины стремительно приближается.

Асфальт скользкий от дождя, и, возможно, именно это меня и спасает: отступая, я поскользываюсь и падаю, ударившись о землю так сильно, что клацнули зубы. Капюшон накрывает лицо, так что я не вижу ничего, кроме брезента цвета хаки, но слышу визг тормозов, а затем слабый скрежет металла. Медведь лает, лает и лает, нервно прыгая, а кожаный поводок впивается в запястье, заставляя меня морщиться от боли.

— Господи Иисусе! — раздаётся мужской голос, и я наконец решаюсь отбросить капюшон с лица.

Задняя часть этого великолепного автомобиля теперь упирается в один из причудливых уличных фонарей, расположенных вдоль дороги. Скорость была не-

высокой, но машина такая легкая, что металл смялся, как бумага, и у меня внезапно пересыхает во рту, а сердце тяжело бьется в груди.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо. Такая машина стоит больше, чем многие люди зарабатывают за год. При работе в кофейне мне потребовалась бы целая вечность, чтобы накопить хотя бы на первый взнос за что-то подобное, а теперь машина серьезно испорчена, потому что я глазила на дом этого парня, стоя посреди улицы.

Я наконец заставляю себя взглянуть на мужчину, который вышел из машины и теперь стоит, закинув руку на водительскую дверь. Он не похож на других мужчин, которые встречаются в Торнфилд-Эстейтс: те носят рубашки поло и брюки цвета хаки и даже самые молодые и подтянутые из них обладают какой-то мягкостью форм — безвольные подбородки, животы, нависающие над дорогами кожаными ремнями. В этом же человеке нет ничего безвольного или обвисшего. Он одет в джинсы и ботинки, с виду потрепанные, но я-то знаю, что они недешевые. Вся одежда на нем выглядит дорого, даже помятая белая рубашка на пуговицах.

— Вы в порядке? — спрашивает он, делая шаг ко мне. Несмотря на дождь, на мужчине надеты очки-авиаторы, и я вижу в них свое отражение — бледный овал лица на фоне темно-зеленого капюшона.

А когда он снимает очки и небрежно вешает их, зацепив дужкой за воротник рубашки, я вижу, какие пронзительно-синие у него глаза. Три морщинки появляются на его переносице; на меня давно никто не смотрел с такой искренней заботой, и это кажется мне привлекательней хорошей одежды, великолепной машины, идеального телосложения.

Я киваю ему, поднимаясь и дергая за поводок Медведя, чтобы подтянуть поближе.

— В порядке, — отвечаю я. — Мне не следовало стоять на дороге.

Уголок его рта приподнимается, и на щеке появляется ямочка.

— Мне не следовало срываться с подъездной дорожки, как адской летучей мыши.

Он наклоняется и коротким движением почесывает Медведя между ушей. Пес ластится к его руке, высунув язык.

— Полагаю, вы и есть тот самый новый помощник по выгулу собак, о котором все вокруг говорят, — произносит мужчина.

Я откашливаюсь, щеки внезапно вспыхивают.

— Да, — отвечаю я. Мужчина в ожидании смотрит на меня. — Джейн, — выпаливаю я. — Ну... Меня зовут Джейн.

— Джейн, — повторяет он. — В последнее время здесь не часто встретишь девушек по имени Джейн.

Я не спешу рассказывать, что это даже не мое настоящее имя, а имя мертвой девушки из моей прошлой жизни. Мое настоящее имя звучит не менее скучно, но встречается еще чаще, чем Джейн.

— Я Эдди. — Мужчина протягивает мне руку, и яжимаю ее, горько отмечая, какая влажная, должно быть, у меня ладонь, да еще и чуть пониже большого пальца перепачканная грязью с дороги.

— Мне тоже в последнее время встречается не так уж много мужчин по имени Эдди, — отвечаю я, и он смеется. От этого глубокого, согревающего смеха у меня бегут мурашки по спине.

Возможно, именно поэтому в ответ на приглашение Эдди зайти к нему на чашечку кофе я соглашаюсь.

Вблизи дом еще более впечатляющий, чем с улицы. Входная дверь изгибается аркой высоко над нами — отличительная черта всех здешних домов, огромные двери. У Ридов двери в ванную не ниже двух с половиной метров в высоту, что придает даже самым маленьким комнатам величественный и важный вид.

Эдди пропускает нас с Медведем внутрь, и пес тут же отряхивается, разбрызгивая капли воды по мраморному полу.

— Медведь! — восклицаю я и одергиваю его за ошейник, но Эдди только пожимает плечами.

— Полы ведь высохнут быстрее тебя, а, здоровяк? — Одарив пса очередным поглаживанием, он жестом приглашает меня следовать за собой по коридору.

По правую руку стоит тяжелый стол — еще больше мрамора, больше кованого железа — с замысловатой цветочной композицией на нем, и, проходя мимо, я провожу пальцем по лепесткам ближайшего цветка. Они прохладные и шелковистые, чуть влажные на ощупь, значит, цветы настоящие. Мне становится любопытно, неужели Эдди — или его жена, давайте будем реалистами, — обновляет букет каждый день?

Коридор ведет в просторную гостиную с высокими потолками. Я ожидаю увидеть интерьер как у Ридов, весь в нейтральных оттенках, но мебель здесь подобрана яркая и удобная: пара диванов цвета темной клюквы, три кресла с откидными спинками и ярким рисунком — узор на всех разный, но все вместе смотрится отлично. На светлых деревянных полах несколько ковров, тоже пестрых. Два высоких торшера отбрасывают на пол лужицы теплого золотистого света, а камин обрамлен встроенными книжными полками.

— У вас есть книги, — говорю я, а Эдди останавливается и поворачивается ко мне, засунув руки в карманы и приподняв брови.

Кивком я указываю на полки, забитые книгами в твердом переплете.

— Просто... во многих домах есть такие полки, но обычно на них нет книг.

У Ридов на встроенных полках стоит несколько фотографий в рамках, какие-то вычурные вазы, в остальном они просто пустуют. Кларки предпочитают фарфоровые тарелки на маленьких подставках с причудливой серебряной чашей.

Эдди все смотрит на меня, и я не могу понять выражение его лица.

— Вы наблюдательны, — произносит он наконец.

Я не уверена, комплимент ли это, и внезапно начинаю жалеть, что вообще заговорила. Внимание переключается на стену с окнами, выходящими на задний двор. Как и передняя лужайка, он выглядит немного более неряшливым, чем дворы по соседству: трава здесь выше, кусты не подстрижены, но это смотрится красивее, чем типовые газоны. Двор примыкает к лесу, высокие деревья тянутся к серому небу.

— Мы купили землю за этим участком, чтобы не приходилось любоваться задней стеной чужого дома, — поясняет Эдди, проследив за направлением моего взгляда. Он все еще держит ключи от машины, и они позвякивают в его руке. Как по мне, это нервное брнчание не вяжется с остальным его образом.

Я думаю о том, что Эдди только что сказал — *мы*. Огорчаться тут глупо. Конечно, у такого мужчины есть жена. В Торнфилд-Эстейтс нет одиноких мужчин, кроме Триппа Ингрэма, да и тот вдовец. В таких местах холостяки не живут.

